

Лабиринт

М. К. МАМАРДАШВИЛИ

**КЛАССИЧЕСКИЙ
И НЕКЛАССИЧЕСКИЙ
ИДЕАЛЫ
РАЦИОНАЛЬНОСТИ**

ЛАБИРИНТ

Поскольку методология науки сама по себе является предметом научной разработки – ею занимаются философы (те, кто относит свои исследования к прикладным, называют это методологией, а те, кто относит к фундаментальным, – эпистемологией), все или, во всяком случае, многие из этих положений периодически подвергаются критике, опровергаются, заменяются другими, в строгом соответствии с требованием прогрессивного развития. Каждый исследователь может выработать свое отношение к этим изменениям – стараться «идти в ногу со временем» или выбрать то, что созвучно его собственным представлениям, но хотелось бы на одном примере разобрать, в какой мере тут действительно можно усматривать противоречия между «классическими» и «современными» свойствами науки и целесообразно ли это делать.

Работа М. К. Мамардашвили «Классический и неклассический идеалы рациональности» посвящена тому, что в науке Нового времени (то есть с XX в.) классические идеалы рациональности – эмпиризм, объективность, реализм – неуместны и невозможны, так как предметом науки становятся явления, в этих категориях не постижимые. Основные идеи вскрываемого противоречия заключаются в том, что 1) инструментом наблюдения является наблюдающий, и в этом смысле воспроизводимость и объективность невозможны в принципе, и 2) *наблюдаемой* непосредственно, даже с оговорками из п. 1, является только внешняя сторона явления, внутреннюю можно только *интерпретировать*. Чтобы в свою очередь не интерпретировать автора излишне вольно, целесообразно привести несколько небольших фрагментов, показывающих известное разнообразие и разнородность тех явлений, которые Мамардашвили относит к не постижимым в классических идеалах.

*Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы
рациональности*

Фрагмент 1. Из раздела «Проблемы наблюдения»

...внутри физической теории, которая исследует природные явления и добивается некоторой объективной и интеллектуально проницаемой картины физического мира, мы не можем (внутри самой же этой теории) понять те средства, которые мы используем для построения этой картины; настолько, что даже такой ученый, как фон Нейман, в своей попытке объяснить, откуда появляются вероятностные значения и неопределенности в физической теории, связывал появление этих вероятностных значений и неопределенностей с тем фактом, что теория (физическая теория) имеет дело с явлениями, которые начинаются в цепи природы, а кончаются в совершенно неясном для нас завершающем ее звене, будучи зарегистрированы нашими аппаратами отражения и осознанием нами этих состояний. И вот это осознание, которое является конечным звеном фиксации нами цепи физических явлений, без которого мы вообще не можем о них судить и что-либо знать, мы не можем само фиксировать в точных понятиях. Тем самым мы точную картину физических явлений в мире покупаем ценой нашего непонимания сознательных явлений. Я подчеркиваю – ценой нашего научного непонимания. Как живые реальные существа, мы продолжаем понимать и весьма свободно ориентироваться и жить в сфере сознательных явлений, но мы не можем построить относительно их теорию. Иными словами, мы не можем их зафиксировать объективно, что делает человека и жизнь – и это самое главное следствие – чуждыми объективно изображенному физическому универсуму, выбрасывает их из него. <...>

Возьмем в качестве пометки для дальнейшего простую иллюстрацию. Непрерывность опыта, а она – условие научных высказываний о предметах, данных этому опыту, предполагает, как я сказал, перенос наблюдения по всему полю, т. е. мою возможность в любой точке пространства наблюдения быть рефлексивно непрерывным носителем интеллигибельного содержания происходящих (или вообще осознаваемых) там событий, явлений. Но уже простой пример обучения – если вдуматься – ускользает от этой непрерывности, не говоря уже о более сложных явлениях, которые, скажем, психоанализом выявлены. Я ограничу свою задачу (потому что все остальные, более сложные проблемы нам еще предстоят) напоминанием об одном простом свойстве феномена усвоения знания и обучения. В классической педагогике, а она лишь частный элемент общего классического стиля мышления, фактически предполагается некоторая привилегированная (и в

этом смысле – единая и абсолютная) система отсчета – такая, что перенос знания из любой точки пространства и времени в любую другую точку пространства и времени (в том числе из одной головы – в другую в обучении и усвоении) покоится на реконструкции или воссоздании одного единого (или самотождественного) субъекта по всем точкам этого поля. Это означает, что везде происходит «то же самое», что может быть получено на основе подстановки однорефлексивного, автономного и конечного источника выбираемых, приводимых в связь и подтверждаемых данных, представлений и знаний.

В этом смысле поле «нормализовано» и предполагается, что время на преобразование, на трансформацию в объединяемые затем точки можно не учитывать, т. е. преобразования предполагаются совершившимися, мгновенными (в этом смысле точки безразмерны, идеальны). Ведь мы, рассуждая о сознании, наблюдении, отражении и т. д., всегда как бы сидим на двух стульях: мы одновременно какими-то независимыми средствами видим и предмет сознания (данный, например, ребенку в какой-то другой точке наблюдения), и действие этого предмета на сознание, и само это сознание – в предположении, что и там и здесь наблюдается один и тот же мир, о котором мы знаем независимо от «путей», проходимых к нему ребенком, и который существует в некоторой универсальной системе отсчета. И мы считаем, что процесс обучения состоит в том, что если, например, ребенок стоит в точке А и у меня, у универсального наблюдателя, есть знание о том, что происходит в точке А, то я могу передать ребенку это знание, или он, проделывая соответствующие шаги по своей какой-то скрытой динамической «кривой», со временем все равно придет в итоге к пониманию того, что я уже понимаю. Но, во-первых, весь опыт исследований лингвистики и психологических исследований, и антропологических исследований, и мифологических исследований лишь подтверждает древнюю, еще Сократу и Платону известную истину, что знание не пересаживаемо из головы в голову в силу одного простого онтологического обстоятельства: никто вместо другого не может ничего понимать, понять должен сам и, более того, если уже не понял, то вообще не поймешь сообщаемое: понять можно лишь то, что уже понял (и в этом смысле – из себя, «вспоминая»). И этот акт понимания «самим» не выводим ни из какой цепи обуславливания этого понимания, он должен совершиться или не совершиться, т. е. знание не перекачиваемо в другую голову, как в некую пустоту перекачивалась бы жидкость. Я могу пройти максимально далеко, максимально сузить воронку, внутри которой должен вспыхнуть акт понимания, но акт понимания – он должен вспыхнуть, и он не выводим из всего того, как я суживал эту воронку. Весь опыт и в современной философии (опыт

экзистенциализма, например, феноменологии, антропологии и т. д.) довел до понимания одну простую вещь, а именно – что есть одно существенное, не психологическое вовсе, онтологическое обстоятельство, которое делает уникальными некоторые акты, которые обозначаются словом «ответственность», «решение», «выбор», «понимание» и пр. <...>

Есть уникальность явлений, которая классической онтологией не учитывается. Известно одно фундаментальное различие, которое существует в последней. Оно состоит в следующем: различены мир сущностей и мир явлений, на которых мы эти сущности наблюдаем. Акт воспроизводства и снова наблюдения явлений, поскольку этот акт, по трансцендентальному правилу, не влияет на объективный ход вещей, никоим образом не меняет сущности. Это элементарный постулат объективного физического исследования. Но, кстати, именно классического, поскольку он колеблется и нарушается уже, например, в квантовой механике. И поэтому стоит разобраться в приведенной элементарной истине.

Мы знаем, например, что у человеческой любви как события, как чувства есть определенное значение, сущность. И мы, в общем-то, именно это, нами не отменяемое и не изменяемое, переживаем в своей жизни, как и заново будут переживать другие люди, миллионы других, что, конечно, не меняет смысла и значения дела. Оно есть то, что есть, имеет свою сущность. А с другой стороны, есть определенный опыт, опытное ее явление. Скажем, мне 16 лет и взрослый, опытный человек объясняет мне, какова природа любви и ее законы, говоря, например, что «чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей» (это мы можем и у Пушкина прочитать). И я не могу этого понять и усвоить. Почему? По глупости или детской незрелости что ли, как мы и предполагаем? Нет, понимание здесь в принципе невозможно, и разницу здесь нельзя устранить ссылкой на приближенный «несовершенный» характер всякого эмпирического явления сущности. (Представьте себе, что проблема измерения в квантовой механике решалась бы такого рода ссылкой!). Есть такие вещи, которые должны быть пережиты и заново установлены, непрестанно рождаясь в лоне бесконечных потенций. Важно происходящее внутри индивидуального переживания, во внутрь протянутом измерении эмпирического факта испытания, т. е. эмпирического факта эмпирического опыта (в этом смысле эмпирией будет и его теоретическое содержание – например, как выбор языка описания). Он не есть простое, рефлексивно приводимое к форме повторение сущности, а имеет значение для самой сущности в том смысле, что в этих случаях мы не можем предполагать заранее данного (или пред-данного) мира законов и сущностей, по отношению к которому сознание было бы лишь отражением и который лишь ожидал бы

быть нами познанным, приближаясь к нам – по мере суммирования нами относительных истин – из вечной дали асимптоты абсолютного знания. Невозможность придать реальный физический смысл существованиям в готовом мире идеальных сущностей и законов (а именно его допущение стоит за такой картиной нашего движения к истине) вполне ясна, если всмотреться, например, в ту картину, которая получается в случае так называемой волны вероятности или шредингеровской функции, лишь квадрат которой имеет в квантовой механике физический смысл (и притом с заходом в комплексную область фазового пространства), и этот смысл существенно конституируется фактом эксперимента и теоретически языкового выбора – как эмпирически имевшим место, а не идеально предположенным (хотя, казалось бы, он должен был бы быть лишь фактом еще одного наблюдения сущности). Его значение должно быть учтено в физической картине мира или, в случае философии, в онтологии.

Короче говоря, определенные уникальные явления имеют последствия для больших систем, для мира, для того, во что и в какую форму отольется его структура или его онтология.

Для человеческих же существ речь идет о формативных последствиях: от индивидуации мира эмпирическим его испытанием зависит, кем и каким я буду, многое во мне и в моей судьбе развернется в зависимости от той уникальной формы, в которой я, скажем, влюбился или проделал первый опыт любви, как и любого другого существенного человеческого качества и состояния. И меня ничто не может освободить от этого, так же как обучить истине меня нельзя, – я должен ее сам понять, как уже говорилось выше. И это не простой, формальный привесок, растворимый в словах: «каждому нужно что-то пережить», «самому нужно испытать» и т. п. Нет, обращение к индивидуальности физического события явно влечет за собой существенные философские, онтологические последствия, говорящие о том, что в определенных предметных областях имеет место такое отношение сущности и явления (как и других категорий), которое требует изменения привычных рамок нашего мышления. <...>

Фрагмент 2. Из раздела «Символический элемент рациональности»

Напомню то, что уже говорилось об особых многообразиях «целых как многих», где в точках пересечения мира и его наблюдения мы имеем дело с объектами, относящимися к ряду рядов, но ни к какому из них в отдельности, и которые похожи на так называемые «размытые множества» в математике (никакое свойство таких объектов не может быть представлено как множество, состоящее из отдельных дистинктных предметов). Тем более в области

мышления о мышлении нужно приостановить в себе манию наглядности. В XX веке, как в физических рассуждениях, так и в анализах сознания, мышления это требование (и его выполнение) особенно ясно проступило, вышло на передний план.

Я приведу один простой пример. В экспериментах в физике известна картина интерференции и разброса электрона при пролете через решетки, открываемые или закрываемые. Одна закрыта, открыта другая, обе закрыты или обе открыты. И часто в понимании этого процесса как бы само собой полагают, что электрон так же пролетает через отверстия решетки, как кирпич пролетал бы через окно. Полагают так, потому что язык (содержащий предметные термины – «отверстие», «электрон – тело») так говорит. Но стоит так думать, как исчезает понимание (появится в том числе и «свобода воли» электрона). Электрон не летит в указанной картине так, как кирпич пролетает через окно. Но думать сказанное (мы ведь говорим в языке и не можем изобрести не наглядный язык, т. е. не имеющий предметных референтов: можно говорить о чем-то ненаглядном, но само говоримое не может не быть им) предполагает в акте одновременно удерживать всю координацию различных слоев и уровней физической теории (в семантике, синтаксисе и т. д.), все посылки и допущения дистинктно применяемого в данный момент термина физической теории.

В другом примере и Эйнштейн и Нильс Бор обращали внимание на то, что в формулах и построениях физики, и в теории относительности, и в квантовой механике фигурирует одна немаловажная деталь – значение «корень из минус единицы»; например, в квантовой механике ячейки фазового пространства заполняются из области комплексных значений, из комплексной поверхности. А комплексные значения, как известно, – это значения, содержащие в себе мнимые числа. И ясно, что в суждениях с такими мнимостями для обозначаемых ими определенных явлений и процессов в мире необходима способность к ненаглядному постижению – так же, как и для действий систем или эффектов целостности, о которых говорилось выше.

И здесь я сделаю один неортодоксальный шаг, бросающий свет с этой новой стороны на упоминавшуюся превращенность действия в системе. Ненаглядное или символическое постижение, как я сказал, выполняется, если совершается полное мысленное действие, т. е. на каком-то усилии (предполагающем эффект бесконечности) в одном акте мысленного действия «держатся» вместе вся координация уровней, все посылки и допущения этого акта. А если не держатся (а вся ситуация продолжает действовать)? Тогда мы имеем наглядность ненаглядного – превращенное действие системы или превращенную форму, превращенную феноменальность. Акты мышления, как

и реальные акты в социальных системах, вовсе не всегда в полном виде выполняются на уровне их агента, хотя тем не менее выполняются в целом, т. е. выполнение их возможно не в полностью развернутом виде, а при условии, что имеются наглядности, замещающие неразвернутые и пропущенные звенья и делегировано их представляющие. Фактически, такого рода феномены в нашем сознании, как кристаллизирующие ориентиры нашей деятельности, нашей мотивации и средств ее реализации, как ядра, мобилизующие вокруг себя мир, появляются в качестве замещающих представителей опущенного и неохваченного (или вообще ушедшего). И этому служит именно их наглядность, хотя она есть мнимость, т. е. ее референтному предмету не может быть определено место в действительном существовании в реальных его терминах. Короче говоря, то, чего я не знаю, сказывается через наглядную мнимость, мне представляющуюся, и через нее, через ее оперативность, реализуется, слагается с другими элементами действия.

Это имеет простой оттенок в области суждений о социальных системах. Каким образом вообще термин «закон» может применяться к действиям свободных и сознательных существ? Не случайно Лейбницу постулатом предустановленной гармонии приходилось отвечать на заголовку, что и законы есть, и действует все-таки свободный индивид, каким-то чудом своим свободным действием (и не зная всего) реализующий именно то, что предписано в законе. Конечно, если предположить, что есть некий демон или бог, наблюдающий все ответвления и обратные эффекты в системе, и ничто из этого не ускользает от его внимания и возможности вмешательства, то тогда, естественно, законы выполняются и при таких действиях, и осмысленно применение самого термина «закон». Но мы не можем предположить, что каждый отдельный агент системы является вот таким вот демоном, пробегающим и держащим в своей голове все ответвления социальной системы и свои возможности вмешательства в нее, чтобы совершить малейший акт, соответствующий законам этой системы. Маркс в этой ситуации как-то сказал странную фразу, а именно, что агенту капиталистической экономической системы нет никакой необходимости знать законы ее, чтобы поступать сообразно им и эффективно (с точки зрения системы) действовать. Ему достаточно видимости (феноменально превращенной), которая порождена системой и является представителем этих неизвестных законов, наглядно встроенным в зрение индивида. Например, действие, ориентирующееся по такому «желтому логарифму», каким является цена труда, более адекватно, точно и эффективно, чем действие, которое желало бы себя построить на основе законов трудовой теории стоимости. Человек разорился бы или вообще не мог бы со смыслом действовать в данной

экономике – именно потому, что разрушил бы в себе знанием особые целостности, особые наглядности, которые представляют и замещают в себе, в своей неразложимости, тысячи и тысячи не прослеживаемых мышлением связей. <...>

Текст М. К. Мамардашвили может звучать для неподготовленного читателя довольно туманно, хоть и поэтично, однако основная мысль его читается внятно и четко: наука стала заниматься такими предметами, для которых «старые» рамки не подходят и должны быть выработаны новые.

Аргументы автора понятны, если дать себе труд вникнуть в сложный текст, однако столь ли радикально противоречие? Действительно ли мы не мыслим мнимые числа существующими, хоть и абстракциями? Такая ли уж проблема для человека считать абстракцию существующей? Разве нам сложно помыслить *синеву* или *непоколебимость*? Действительно ли невозпроизводимы *все эксперименты* (учитывая, что их результаты при корректной организации процесса таки совпадают)? На самом ли деле эти очень интересные нюансы свидетельствуют не о том, что критерии научности не следует понимать упрощенно (что естественно – речь ведь идет о науке, это явление заведомо непростое), а о том, что не следует добиваться воспроизводимости результатов и процедур, не следует фиксировать результаты наблюдений, не следует искать и описывать закономерности и проводить исследование объективно (то есть так, чтобы оно минимально зависело от личности исследователя)? Представляется, что проблема заострена искусственно (и это нормально, потому что решение конкретной задачи зачастую требует намеренного заострения той или иной проблемы). Да, по мере развития научного знания, появления новых отраслей исследований и вообще всеобщего развития и прогресса меняются и представления о том, что значит объективность, реализм и наблюдение. Но представляется несколько преувеличенным утверждение о необходимости или целесообразности полного отказа от них и выработки качественно новой методологии науки. Думается, что, сталкиваясь с предметом или процессом, в отношении которого признаки научности кажутся неприменимыми, стоит внимательно проанализировать природу этой неприменимости – в чем, собственно, дело. Возможно, в основе противоречия лежит просто слишком узкое понимание того, что означает «мыслится

реально существующим» или «может быть воспроизведено». Конечно, в аналоговой среде, в отличие от цифровой, вообще ничто не может быть (ни предмет, ни процесс, то есть «быть» здесь в том числе означает и «произойти») совершенно одинаковым. Но насколько стоит делать из этого проблему, вопрос индивидуальной философии каждого человека, во всяком случае, до сих пор эта особенность аналоговой среды не оказала критического влияния на науку.